

Идеологические битвы коммунистов¹

ФРАНСУА
ДОСС

На съезде Коминформа в 1947 году Французская коммунистическая партия (ФКП) оказывается в положении обвиняемого. Ее отклонение от курса заключается в том, что она ударилась в национализм в ущерб интересам международного коммунистического движения. Ей было предложено скорректировать свои позиции в схватке с американским империализмом и поставить в приоритет защиту интересов советского Большого брата, то есть вписаться в стратегическую линию, которой придерживались все коммунистические партии в других странах. В рамках советского блока, равно как и в братских партиях, на повестке дня – чистки рядов и установление сервильных промосковских руководств, якобы представляющих интересы мирового пролетариата. Прошло то время, когда Мориак мог восседать рядом с Элюаром и Арагоном, воздавая им хвалу. Вступает в силу план Маршалла, который ставит целью консолидировать зоны влияния Соединенных Штатов в Западной Европе, и в этой ситуации СССР стремится защитить свои интересы, используя братские партии в качестве машин войны против американского империализма.

НА СЛУЖБЕ ПАРТИИ

Необходимость отстаивать коммунистические идеалы, противостоять американскому империализму, а также наличие предателей, переметнувшихся в его лагерь, вынуждают французскую компартию мобилизовать своих интеллектуалов. В ходе этих идеологических схваток французские коммунисты опираются на партийные ячейки различных профессиональных сообществ. Медицинские науки находятся под контролем комиссии, которая вскоре вынесет свой приговор психоанализу, а остальные интеллектуалы ограничены лишь своими дисциплинарными рамками. Формируются специальные «кружки» среди

Франсуа Досс (р. 1950) – французский философ и историк, работающий в жанре интеллектуальной истории. Автор «Истории структурализма» (1991–1992), интеллектуальных биографий Поля Рикёра, Мишеля де Серто, Жюль Дёлеза и Феликса Гваттари, Пьера Нора.

¹ Фрагмент из пятой главы книги «Сага французских интеллектуалов» печатается по изданию: Dosse F. *La Saga des intellectuels français*. Paris: Gallimard, 2018. Т. I. Р. 155–183. Полный текст «Саги» готовится к выходу в издательстве «Новое литературное обозрение». «НЗ» благодарит редакторов серии «Интеллектуальная история» Михаила Велижева и Тимура Атнашева за предоставленную возможность опубликовать препринт. Отрывок печатается в редакции переводчицы Яны Янпольской.

биологов, физиков, медиков, историков, лингвистов, географов и так далее. Задачей каждого из этих «кружков» является перевод линии партии на внутренний язык сообщества. Интеллектуалам-коммунистам приходится вновь противостоять имперским тенденциям, моральному разложению, американскому империализму, прибежищу всех «похотливых гадин». Иными словами, как пишет репортер «Humanité» Элен Пармелен (под псевдонимом Леопольд Дюран):

«Смесь нигилизма с порнографией, глупой сентиментальности с бесчувственностью, пуританства с непристойностью, христианского милосердия с узаконенной жестокостью – вот признаки этого общества, где фашизм, расизм, гангстерство, респектабельный алкоголизм и скрытая проституция в порядке вещей»².

Воплощением имморализма выступает американская литература; руководство ФКП бок о бок с правыми моралистами разносит произведения Генри Миллера, чей «талант можно объяснить не иначе как побочным эффектом ядерных испытаний», как пишет Лоран Казанова, член Центрального комитета, отвечающий за взаимодействие с интеллектуалами³. Жан Канапа на страницах основанного им в 1948 году журнала «La Nouvelle Critique» клеймит «порочность» и «мерзость», «мусорщиков культуры», «услужливых писак», «откровенно отталкивающих литературных мошенников» и прочих «могильщиков»⁴.

Необходимость отстаивать коммунистические идеалы, противостоять американскому империализму, а также наличие предателей, переметнувшихся в его лагерь, вынуждают французскую компартию мобилизовать своих интеллектуалов.

Война между западным и восточным блоками в эти годы кажется более чем вероятной. Пражский кризис 1948-го, последовавшие за ним мгновенные реакции коммунистических партий – все это вызывает опасения, что подобные эксцессы возможны и на Западе, особенно в тех странах, где сильны компартии – в Италии и Франции. Андре Мальро убежден в неотвратимости угрозы и сообщает Жоржу Бернаносу, что Советы собираются атаковать Францию самое позднее весной 1947-го. Накануне начала войны в Корее, в 1950-м, Сартр и Камю принимают участие в обсуждении ситуации, сложившейся в Баль-

² PARMELIN H. (DURAND L.) *L'Amérique dégrade aussi l'esprit* // L'Humanité. 1947. 24 octobre.

³ CASANOVA L. *Le Parti communiste, les intellectuels et la nation*. Paris: Éditions sociales, 1949.

⁴ Цит. по: LEDUC V. *Les Tribulations d'un ideologue*. Paris: Syros, 1985. P. 112.

заре. На вопрос: «Думали ли вы о том, что делать, если сюда войдут русские?» – Камю (если верить американскому журналисту Герберту Лоттману) ответил: «Не оставаться!», а Сартр – что ни при каких условиях он не будет выступать против пролетариата⁵. В ноябре 1948 года еженедельник «Carrefour» даже провел опрос среди лидеров различных политических партий на тему «Что вы будете делать, если Красная армия оккупирует Францию?» и опубликовал его результаты.

Следуя радикальным тезисам, которые Андрей Жданов и Трофим Лысенко отстаивают в Москве, руководство ФКП инициирует новую кампанию с участием интеллектуалов, нацеленную на дискредитацию «буржуазной» науки в противовес «пролетарской». Эти задачи требуют новых кадров и средств. Учреждаются журналы, в частности «La Nouvelle Critique»: перед ними поставлена задача занять передовые позиции в этих вопросах. Первый же номер открывается материалом, в котором утверждается следующее:

«[Потерять Сталина – значит] лишить жизненной силы учение о передовой роли пролетариата, тем самым обезглавить саму пролетарскую борьбу. [...] В конечном счете, настоящий марксист может считаться таковым только с того момента, когда он сам сочтет себя достойным вдохновляющего эпитета “сталинист”»⁶.

Жан Канапа, главный редактор, несет ответственность за генеральную идеологическую линию, обрекая себя даже вмешательством в тексты соавторов. Он собирает редакционную команду, куда входят Виктор Йоханнес (член Центрального комитета), Анни Бесс (урожденная Беккер, в замужестве Бесс, позже Кригель), Пьер Декс, Жан Фревилль (псевдоним Ежена Шкаффа), Жан-Туссен Дезанти, Виктор Ледюк и Анри Лефевр. Историк Жан Брюа, до этого сотрудничавший с «La Pensée», также публикует в этом журнале несколько статей. Именно он не оставил камня на камне от диссертации Фернана Броделя⁷ в статье, написанной в соавторстве с Франсуа Фюре и Дени Рише. В своих «Воспоминаниях» Брюа напишет об этом: «Это был предельно жесткий текст, о котором я не могу вспоминать без содрогания»⁸. Идеологическая бойня не пощадила никого. Сартр, Мальро, Мориак и Руссе – все они в равной мере признаны прислужниками интересов представителей американской индустрии: «Они лгут. И прекрасно знают, что лгут»⁹. Редак-

ФРАНСУА ДОСС

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

5 LOTTMAN H.R. *La Rive Gauche. Du Front populaire à la guerre froide*. Paris: Seuil, 1981. P. 347.

6 *La Nouvelle Critique*. 1948. № 1. P. 11.

7 Диссертация «La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II», защищенная в 1947 году и опубликованная в 1949-м в издательстве «Armand Colin» (Бродель Ф. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч.* М.: Языки славянской культуры, 2002–2004).

8 BRUNAT J. *Il n'est jamais trop tard. Souvenirs*. Paris: Albin Michel, 1983. P. 164.

9 *La Nouvelle Critique*. 1948. № 1. P. 1.

торский долг заставляет Жана Канапа жестко нападать на Сартра и «Les Temps modernes». «В небольшой книжке, – пишет британский историк-марксист Ян Бирчелл, – он громит Сартра и “Les Temps modernes” с их “маленькими троцкизирующими радостями”: Канапа палит не глядя по всему, что движется». Кроме того, он не упускает возможности упомянуть о «неофашизме “Combat”»¹⁰. Альбер Камю также стал мишенью беспощадных диатриб: Канапа называет его фашистом и прислужником буржуазии¹¹.

Идеологическая борьба

По всей территории, где развернулась идеологическая борьба, интеллектуалы и творческая интеллигенция попадают под контроль органов партийного руководства. В 1951-м Анни Кригель была избрана постоянным членом руководства партийного органа в округе Сена и ответственным секретарем по вопросам воспитания и идеологической борьбы: ее непреклонная линия пропаганды сталинизма в студенческой среде была оценена по заслугам. Будущая издатель Франсуаза Верни, в тот период убежденная преданная коммунистка (и католичка), кооптируется в комитет по идеологической борьбе, которым руководит Анни Кригель. Кригель поручает Франсуазе ряд задач: противодействовать выходу «излишне идеалистической» книги Анри Лефевра, а также добиться исключения из партии за гомосексуализм Марка Сориано – специалиста по научной интерпретации сказок Перро. Не имея внутренних склонностей к инквизиторским процедурам, Верни мгновенно отказывается от этой должности в новоявленном комитете по чисткам.

Кригель действует в тандеме с Лораном Казановой, который весьма близко связан с четой Торезов. Казанова – член Международного совета по вопросам мира, где он имеет возможность общаться во время заседаний с приближенными Сталина – в частности, с Александром Фадеевым, обязанным плясать под дудку Москвы. В начале 1950-х ее линия носит вполне параноидальный характер и напоминает политику осажденной крепости. Казанова родился в Северной Африке, в семье железнодорожника в 1907 году, обладал блестящими ораторскими способностями, а также, как свидетельствуют знавшие его, особым обаянием. Вот как об этом вспоминает Пьер Декс:

«Этот корсиканец, родившийся во французском Алжире, был мощной политической фигурой. Он был адвокатом, и каждый его жест,

¹⁰ BIRCHALL I. H. *Sartre et l'extrême gauche français. Cinquante ans de relations tumultueuses*. Paris: La Fabrique, 2011. P. 92.

¹¹ KANAPA J. *L'existentialisme n'est pas un humanisme*. Paris: Nagel, 1947.

даже малейший, вся его импозантность, средиземноморские оттенки тембра голоса были нацелены на то, чтобы убедить своего слушателя, очаровать его и навязать ему все, что возможно. Чтобы разрядить обстановку, он начинал притворно насмехаться над своим романским происхождением, притворяясь то античным трибуном, то церковнослужителем, смотря по ситуации. И Канапа, и я, да и все наши коллеги называли его исключительно Кардинал»¹².

Анни Кригель была загружена сверх меры: она была обязана вычитывать с карандашом в руке всю коммунистическую прессу – брошюры, публикации, многочисленные бюллетени и циркуляры различных объединений, находящихся под контролем партии. По окончании этого ежедневного титанического труда она, как постоянный член партаппарата, должна была еще находить в себе силы писать отчеты, статьи, предложения, резолюции, речи в честь открытия и в честь закрытия, коммунике и прочую макулатуру. Это все укладывалось в утренние часы, а после 14:00 ее время было посвящено многочисленным собраниям, встречам и переговорам. Вся эта лихорадочная деятельность была посвящена лишь одной цели – идеологической борьбе, рассматриваемой партийным руководством как важный фронт классовой борьбы.

Наряду с университетскими интеллектуалами были и те, кого было сложнее контролировать – так называемая «творческая интеллигенция»: скульпторы, писатели, архитекторы, музыканты, разного рода кинематографисты. Их пытаются объединить в профессиональные союзы под руководством центрального идеологического отдела, в составе которого троица – Франсуа Бийу, Жорж Коньо и Лоран Казанова. Ответственным за текущую деятельность секций назначен Виктор Ледюк. Он вступил в ряды Коммунистической молодежи еще в 1929-м, едва закончил колледж, а в годы войны был бойцом Сопротивления в отряде Жан-Пьера Вернана. Ледюк преподавал философию в различных лицеях, сразу после войны возглавлял издание «Action»; в 1947-м он был рекомендован Морисом Торезом в идеологический отдел Центрального комитета как постоянный член партии. В этом качестве он присутствует на всех собраниях интеллектуальной комиссии под руководством Лорана Казановы. Также там бывают Жан Канапа, Пьер Декс, Андре Воге, Луи Байо и кто-нибудь из приглашенных по случаю. Там не было обсуждений в собственном смысле слова, вспоминает Виктор Ледюк, «скорее были два монолога – Лорана Казановы и Луи Арагона, которые стремились перебивать друг друга»¹³. Эти два монолога звучали в двух разных регистрах. Как вспоминает Ледюк, у Казановы был стиль великого инквизитора:

12 DAIX P. *J'ai cru au matin*. Paris: Robert Laffont, 1976. P. 198.

13 LEDUC V. *Op. cit.* P. 115.

ФРАНСУА ДОСС

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

его взрывы негодования были направлены против злобы, бездействия, разномыслия. Арагон же переходил на личности и принимался перечислять особо вредоносных с его точки зрения персоналий из литературного мира, проклиная их весьма поэтично, хотя и довольно злобно.

По окончании собрания Ледюк обязан был передавать рекомендации в каждое профессиональное объединение. Он должен был донести до критиков идеологические предписания, соответствующие различным областям (литература, кино, искусство, театр): писать апологию социалистического реализма и подчеркивать вклад Советов. Они должны бороться за партийную литературу против формалистов, нахваливать Арагона, Андре Стиля, Эльзу Триоле, Андре Фужрона, Луи Дакена: «Что же касается философов (в широком смысле слова), то их я призываю воспевать вклад Сталина в развитие марксизма-ленинизма и пролетарскую науку»¹⁴. В 1950-м Арагон входит в Центральный комитет, что узаконивает его власть в лоне коммунистического семейства. При этом ФКП, вечно держащая интеллектуалов на крючке подозрения, приписывает ему статус всего лишь «кандидата в члены».

Наряду с университетскими интеллектуалами были и те, кого было сложнее контролировать – так называемая «творческая интеллигенция»: скульпторы, писатели, архитекторы, музыканты, разного рода кинематографисты. Их пытаются объединить в профессиональные союзы под руководством центрального идеологического отдела.

Историки в свою очередь также обязаны были превозносить труды своих советских братьев и подчеркивать роль СССР во Второй мировой войне. В 1945 году Жан Брюа выпустил в серии «Что я знаю?» («Que sais-je?») книгу об СССР, а в 1952-м – «Историю рабочего движения во Франции». После войны во круг дуайена Эмиля Терсена складывается кружок историков-коммунистов, куда входят Жан Брюа, Клод и Жермен Виллар, Жан Гасон, Жан Бувье и другие. Точные науки были не менее подконтрольны: Виктор Ледюк не упускает случая обратиться к физикам с поручением опровергнуть, скажем, идеалистическую интерпретацию второго закона термодинамики. В 1985-м в воспоминаниях он уточняет: «Сам я не смог бы предложить вообще никакой интерпретации этого закона, не смог бы даже

14 Ibid. P. 128.

внятно изложить его, впрочем, меня никто об этом и не просил»¹⁵. Что не мешало ему обрушиться с критикой на индетерминизм квантовой теории. А вот на химиков он возлагает задачу перевести и распространить «советскую теорию химической структуры», а также опровергнуть теорию резонанса и мезомерии.

На дворе была «холодная война», и партийное руководство стремилось, чтобы вся издательская и публикационная активность находилась в руках подконтрольных людей, легко заглатывающих любую наживку. Вот почему главным редактором «Lettres françaises» назначается Пьер Декс, идеально соответствующий задачам времени; Клоду Моргану его настоятельно рекомендовал Лоран Казанова: Декс должен был сменить на посту Лойса Масона – коммуниста и христианина, который становился все более подозрительным, неуправляемым и политизированным. Декс вспоминает этот момент в книге «Мысли про утро»: «Лойс передал мне свои полномочия с привычной любезностью. Подробности его отстранения я узнал лишь спустя несколько месяцев. Морган все выставил так, словно я уже был в курсе и добровольно решил выступить таким партийным цербером»¹⁶.

Все публикации интеллектуального характера распределялись по трем фронтам: «политический полюс, полюс культуры в целом, а также весьма эфемерный и плохо разработанный полюс специализированных изданий»¹⁷. На политическом полюсе партия, естественно, день и ночь ведет непрерывный огонь. Так, «Humanité», число читателей которой к концу 1945-го составляло 520 тысяч, стала жертвой целенаправленных ударов коммунистов: в итоге сталинистского закручивания гаек к 1950 году тираж газеты упал до 169 тысяч экземпляров. В том же году главный редактор Жорж Коньо уступает место Андре Стилю. На том же политическом фронте ежедневное издание «Ce soir», возобновленное в октябре 1944-го, переходит под руководство Арагона, который перепоручает его Жан-Ришару Блоку. В марте 1947-го Блок умирает, Арагон возвращается на пост и руководит газетой единолично вплоть до упразднения издания в марте 1953 года. Литературный успех и высокий статус Арагона периодически вызывает раздражение простых тружеников, которые переходят к публичным оскорблениям в его адрес. В рапорте Центрального бюро разведки от декабря 1948 зафиксирован инцидент: двое бойцов ФКП «решили заявиться в кабинет писателя и выразить свое презрение, нагадив

ФРАНСУА ДОСС

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

¹⁵ Ibid. P. 129.

¹⁶ DAIX P. *J'ai cru au matin*. P. 197–198.

¹⁷ VERDÈS-LEROUX J. *Au service du Parti. Le parti communiste, les intellectuels et la culture (1944–1956)*. Paris: Fayard; Minuit, 1983. P. 192.

в его корзину для бумаг»¹⁸, тем самым они хотели намекнуть Арагону, что тот держит в своих руках слишком много нитей, особенно финансовых. В ряду изданий, отстаивающих сталинизм, также заметен еженедельник «France nouvelle». Помимо перечисленных многотиражных изданий, стоит упомянуть «Cahiers du communisme», «Démocratie nouvelle», «Action», а также журнал «Еuroре», изначально не принадлежавший ФКП, но прибранный ею к рукам еще до войны. Высокий читательский спрос изданиям ФКП обеспечивает Ассоциация социальных изданий, в состав которой в 1947-м входит Объединение французских издателей.

С 1947-го ФКП отдает в ведомство коммунистической студенческой молодежи журнал «Clarté», который выходит раз в два месяца под руководством Артура Кригеля, Анни Кригель и Жака Хартманна. Студенты из разных партийных ячеек соревнуются в количестве проданных экземпляров журнала. К выходу номеров приурочены разного рода мероприятия, способствующие укреплению связей в студенческом движении. Это могли быть как организации встреч с советскими писателями в культурном центре «Франция–СССР», так и тематические публичные выступления типа лекции Пьера Куртада «Кто толкает к войне?», которая состоялась 5 февраля 1948 года в Национальной федерации взаимного страхования («Mutualité Française»). Случаются и более торжественные праздничные ритуальные действия – например, большой бал Карнавального вторника, ежегодно организуемый в здании мэрии V округа. Перед «Clarté» была поставлена задача: захватить Латинский квартал и властвовать в парижском университетском мире, установив в нем гегемонию; открывать партийные ячейки и занять влиятельные позиции во всех значительных организациях, в том числе в UNEF (Национальный союз французских студентов).

Материалы, публикуемые «Clarté», представляли собой квинт-эссенцию идеологической борьбы сталинистов. Номер от 11 марта 1948-го так отреагировал на февральские события в Праге, когда компартия Чехословакии расправилась с демократией и политическим плюрализмом в своей стране: «Установлением народной демократии рабочие Праги отметили столетие революции 1848 года». Историк Жан Брюа, находившийся в Праге летом 1947-го в качестве корреспондента журнала «Démocratie nouvelle», сообщал о вполне достойном уровне жизни в стране: французских делегатов откармливали пирожными с шоколадом и кремом, а в мае 1946-го компартия набрала 38% голосов избирателей. В воспоминаниях 1983 года он напишет об этих событиях: «Пражский февраль 1948-го меня никоим образом

18 FOREST P. Aragon. Paris: Gallimard, 2015. P. 560.

не шокировал. [...] В конце концов, и у нас были дни народного правления в 1793-м и 1794-м»¹⁹. В Чехословакии Брюа всячески ублажали, на уикенд он был приглашен в Добри: там в распоряжение писателей предоставлялся целый дворец в барочном стиле. В глазах Брюа это лишь подтверждало то, в чем он и так не сомневался: «Я прихожу к выводу и буду на нем настаивать, [...] что одна единая партия представляет собой более демократичную систему, чем западная многопартийность»²⁰.

ФКП располагала многочисленными организациями, что позволяло ей инициировать самые безумные кампании «холодной войны» в полной уверенности, что они получают широкий резонанс и искреннюю поддержку: осуждение преступлений Тито, отстаивание соцреализма как единственно верной формы искусства, лоббирование тезисов Лысенко и Жданова, нападки на психоанализ, огульное охаивание всех возможных проявлений американского влияния, поддержка образовательных процессов в странах Востока. После неприятных минут, пережитых представителями ФКП на первом съезде Коминформа, когда им были высказаны претензии в поддержке буржуазных националистических тенденций и требование вернуться в строй, компартия не теряет боевого духа и старательно следует политике, продиктованной Москвой, а партийные интеллектуалы сохраняют готовность броситься в бой.

ФРАНСУА ДОСС

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

Андрей Жданов

Идеологический тон задает Андрей Жданов – активный участник чисток 1930-х. Тезисы Жданова во многом определили послевоенную сталинскую политику, его влияние сохранится и после смерти в 1948-м. Волнующую эпитафию Жданову посвятил Арагон:

«Возможно, сейчас, стоя у этой открытой могилы, многие французские интеллектуалы, которые, по правде сказать, не поняли и не услышали тезисов Жданова, устремленных в далекое будущее, смогут, наконец, воспринять его тексты, посвященные музыке, искусству и философии, какими бы радикальными они ни казались им (одновременно судьям и участникам единого процесса), смогут увидеть в них протянутую руку помощи, рецепт от бесконечных противоречий»²¹.

Арагон имеет в виду ждановскую борьбу с «западным декадентством» и пропаганду социалистического реализма, кос-

19 BRUHAT J. *Il n'est jamais trop tard. Souvenirs*. P. 150.

20 Ibid. P. 151; см. также: IDEM. *Élections et démocratie en URSS // Démocratie nouvelle*. 1947. Mars.

21 ARAGON L. *Jdanov et nous // Les Lettres françaises*. 1948. 9 septembre.

нувшуюся в первую очередь писателей. Все без исключения выразительные средства оцениваются по степени их ценности для коммунизма. В Москве с 1946-го начинается охота на ведьм. По инициативе Жданова из Союза писателей исключены Анна Ахматова и Михаил Зощенко. Историк и политолог Ариан Шебель д'Апполония вспоминает:

«Жданов принуждает Фадеева переписать свои романы, приблизив их к линии партии, после чего ополчается против Эйзенштейна – тот обвиняется в недостаточно высокой оценке значения великого Ивана Грозного. Летом 1946-го, в один прекрасный день Жданов призывает Прокофьева и Шостаковича, чтобы преподать им урок коммунистической музыки»²².

В январе 1948 года Жданов председательствует на съезде, где собрались более семидесяти музыкантов, композиторов, певцов, музыковедов, дирижеров и критиков. Он задался целью осудить «ядро Союза советских композиторов, которое поддерживает “формализм в музыке” и блокирует его критическую работу»²³. Помимо того, Жданов предаёт анафеме композиторов и исполнителей атональной музыки, столь же «невыносимой для слуха, как звук бормашины дантиста».

ФКП начинает продвигать ждановизацию во Франции, объявив её официальной доктриной коммунистов. В ноябре 1946-го на среду коммунистов набегают тень сомнения. За интеллектуальную линию в тот момент отвечает Роже Гароди, который публикует в «Art de France» статью, озаглавленную «Художники без униформы»²⁴. В ней Гароди замечает, что ФКП вовсе не насаждает никакой эстетики. Редакция «Action» отзывается на близкую ей позицию, подхватывая устами Пьера Эрве: «Коммунистической эстетики не существует». Однако Арагону удастся быстро все вернуть на свои места: партийцы должны стройными рядами следовать за ждановской теорией: «Если вы спросите меня лично, то я полагаю, что коммунистическая партия имеет собственную эстетику, имя которой – соцреализм»²⁵. В этот период именно Арагон выражает линию партии при поддержке Тореза. Вот как Клод Рой будет описывать тонкое балансирование Арагона на фоне «холодной войны»:

«Сюрреалисты его гнобят, сартрианцы презирают, антикоммунисты просто ненавидят, а пролетарии подозрительно принимают: что это за принцесса на горошине в их ряды затесалась? Из коммунистов те, что более критичны или оппозиционны, видят

22 CHEBEL D'APOLLONIA A. *Histoire politique des intellectuels en France, 1944–1954*. Bruxelles: Complexe, 1999. P. 24.

23 KRIEGL A. *Ce que j'ai cru comprendre*. Paris: Robert Laffont, 1991. P. 583.

24 GARAUDY R. *Artistes sans uniformes* // Arts de France. 1946. № 9.

25 Цит. по: DESANTI D. *Les Clés d'Elsa*. Paris: Ramsay, 1983. P. 332.

в нем одиозную фигуру. Троцкистов от него воротит: их мучеников он не почитил. Вот такую милую эгретку в виде девятихвостой кошки он преподносит Эльзе: что ни хвост, то ненависть – веер пестрый, но суть одна»²⁶.

ФРАНСУА ДОСС
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

Близкий друг Арагона, Лоран Казанова, и Жан Канапа становятся певцами, защитниками и рупорами ждановской линии. На них возложена миссия пропагандировать ждановскую доктрину в творческой и интеллектуальной среде: «На самом деле, – пишет Казанова в 1949 году, – когда народные массы приходят в движение, народная борьба сама вырабатывает ключевые культурные ценности»²⁷. Пропаганда ждановщины позволяла партийным бюрократам у руля навести порядок в рядах – избавиться от наиболее независимых интеллектуалов и заменить их на всех постах лояльными «интеллектуалами-от-партии»: враждебные к буржуазной культуре, они должны были воспевать прелести социалистического реализма.

**Пропаганда ждановщины позволяла партийным
бюрократам избавиться от наиболее независимых
интеллектуалов и заменить их на всех постах
лояльными «интеллектуалами-от-партии»:
враждебные к буржуазной культуре, они должны
были воспевать прелести социалистического реализма.**

ФКП назначает главным официальным живописцем Андре Фужерона: тот изображает на своих полотнах страдания рабочего класса. Арагон поддерживает этот выбор и в 1947-м пишет предисловие к одному из альбомов художника. И вот уже Фужерон призван в ряды борцов с абстракционизмом, отстаивающих соцреализм в искусстве. Арагон доходит до того, что воспекает его как главного артиллериста партии: «В каждом из ваших рисунков, Андре Фужерон, решается судьба фигуративного искусства – ну и вы будете смеяться, но в них же решается судьба всего мира»²⁸. В 1950-м по инициативе Огюста Лекёра партия решает превратить живопись в орудие народного просвещения и заказывает Фужерону серию картин, которые станут основой большой выставки, посвященной «стране рудников». Даже Эдуард Пиньон – художник-коммунист и бывший шахтер – отнесен на второй план: он также черпает свое вдохновение в рабочем классе, однако его выразительные средства несвободны

26 Roy C. *Nous. Essai autobiographique*. Paris: Gallimard, 1972. P. 449.

27 CASANOVA L. *Le Parti communiste, les intellectuels et la nation*. P. 39.

28 ARAGON L. *Dessins de Fougeron* // IDEM. *Écrits sur l'art moderne*. Paris: Flammarion, 2011. P. 137.

от формализма, их мобилизационный потенциал не вдохновляет партийный аппарат. Большое полотно Пиньона «Рабочие», представленное на майском Салоне 1952 года, изображает рабочего, погибшего от взрыва рудничного газа, в окружении его соратников, сохраняющих невозмутимость при виде покойного. Комментарий Франсиса Козна в «Humanité»:

«Мы видим серьезное, искреннее, глубоко продуманное стремление коммунистического художника, направленное на выражение новых и вместе с тем традиционных ценностей, носителем которых выступает рабочий класс. К этим ценностям художников направила компартия: в них чистый исток вдохновения, жизни, силы и молодости их искусства. [...] Творчество Пиньона вызывает к продолжению, его поиск должен двигаться дальше»²⁹.

На самом деле Жданов не дал каких-то ясных установок по поводу пластических искусств и не выдвинул для них какой-либо специальной теории, поэтому ФКП сочла себя обязанной выработать ее самостоятельно. Виктору Ледюку поручено созвать ассамблею представителей пластических искусств, и он приглашает несколько грандов из числа интеллектуалов, в том числе Поля Элюара. Позже Ледюк будет вспоминать об этом с живой иронией:

«Передо мной стояла задача бескомпромиссно критиковать эстетических еретиков, одним махом обходя сразу три подводных камня, грозящих сбить с верной дороги художника-коммуниста: формализм, натурализм, мизерабилизм. [...] По ходу я еще должен не забывать пнуть и абстракционистов»³⁰.

Пикассо рисует Сталина

В итоге эта полная внутренних противоречий эстетическая доктрина захватит сознание воинствующих коммунистов. Характерным эпизодом стал внутрипартийный скандал, случившийся, когда в 1953-м в возрасте 74 лет умер Сталин и Арагон попросил Пикассо нарисовать для «Lettres françaises» «небольшой портрет “доброго отца народов”». Горе коммунистов в эти дни было безмерным, все оплакивали уход вождя. Арагон с большим нетерпением ждал портрета Сталина от Пикассо, однако тот медлил с завершением работы. Наконец Арагон получил от Пикассо портрет и обнаружил на нем молоджавого, бодрого Сталина, лучащегося вечной молодостью. Какое-то время он колебался – настолько портрет не соответствовал его ожиданиям, – но номер был уже в верстке, и отсутствие портре-

29 СОНЕН F. *L'ouvrier mort* // L'Humanité. 1952. 5 juillet.

30 ЛЕДУС V. *Op. cit.* P. 147.

та задерживало набор. К большому удивлению Пикассо, выход номера обернулся скандалом. Поднялась волна возмущения: образу Сталина нанесен удар. Образ Сталина на рисунке Пикассо и в самом деле не слишком соответствовал канонической модели, сложившейся на международном уровне. Редакторы «Humanité», «Les lettres françaises» и «France nouvelle», потрясая газетой в воздухе, заявляют о недопустимой наглости. Доминик Дезанти в «Ключах Эльзы» рассказывает об этом юмористически:

«12 марта 1953-го Декс позвонил на улицу Сурдьер, ответила Эльза: “Ну, да, конечно. Мне уже звонили с кучей оскорблений. [...] Но вы и вправду спятили – Луи и вы, – раз публикуете такое”. – “Послушай, Эльза, но Сталин же не Господь Бог!” – “Он самый!”»³¹

Когда к телефону, наконец, подошел Арагон, Декс понял, что Луи находится в состоянии шока: «Дружище, я все возьму на себя – слышишь? Тебе я запрещаю выступать с какой-либо самокритикой. Мы с тобой подумали и о Пикассо, о Сталине. Но мы забыли подумать о коммунистах»³². Художник Фужерон, усмотревший в этом рисунке профанацию, также принимал участие во фронде и даже прислал в секретариат партии свое обращение: «Цель моего письма – донести до вас, насколько я оскорблен и огорчен публикацией этого рисунка нашего товарища, Пикассо»³³.

Письма оскорбленных коммунистов во множестве поступали к Огюсту Лекёру, уполномоченному представителю партии, а также к Франсуа Бийу, который отвечал за работу с интеллектуалами. Волнения достигли такой степени, что секретариат решил опубликовать 17 марта специальную декларацию, посвященную этому делу. В ней заявлялось, что публикация портрета дезавуирована – при том, что партия не ставит под сомнения чувства такого великого художника, как Пикассо, чья преданность интересам рабочего класса широко известна. В конечном счете, секретариат «высказывает сожаление, что товарищ Арагон, будучи членом Центрального комитета и главным редактором “Les lettres françaises”, храбро сражающимся за реализм в искусстве, допустил подобную публикацию»³⁴. Лекёр тайно теснит Арагона, воспользовавшись сложившейся ситуацией и отсутствием Тореза – его главного защитника (тот проводит отпуск в Москве). Несмотря на образцовую сервильность, проявленную Арагоном, руководство партии его отчаянно ругает.

ФРАНСУА ДОСС
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

31 DESANTI D. *Op. cit.* P. 363.

32 Чит. по: Ibid. P. 364.

33 Письмо Андре Фужерона цит. по: JUQUIN P. *Aragon. Un destin français, 1939–1982*. Paris: La Martinière, 2013. P. 439.

34 Декларация секретариата ФКП от 17 марта 1953 года цит. по: Ibid. P. 443.

Эта публичная порка так сильно ранит Арагона, что Эльза Триоле отправляется к Бийу, чтобы просить, если это возможно, вступить за ее мужа, который близок к самоубийству. Попытки суицида уже были, сообщает Эльза. Только вмешательство Жака Дюкло остановило Арагона, полного решимости положить конец своей жизни: Бийу незамедлительно вызвал Арагона на встречу. В конце концов, скандальное дело сойдет на нет, а Арагон выступит в защиту Пикассо с умеренной самокритикой, которая и будет опубликована в «Humanité» 29 апреля 1953 года. При этом Доминик Дезанти иначе объясняет быстрое сворачивание дела. Со слов Лорана Казановы, отправленного навестить Арагона в его имение Мулен де Вильнев, в Сен-Арну, следовало следующее:

«Он рассказал мне то, о чем другие умолчали. Морис Торез, который должен был вернуться лишь в следующем месяце, выслал в секретариат ФКП телеграмму с осуждением – но не рисунка, а всей этой травли. И тем, кто требовал публичных покаяний, об этой телеграмме было отлично известно»³⁵.

СОЦРЕАЛИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ

Арагон оставил в далекой молодости сюрреалистические опыты, отошел и от слишком буржуазных романов типа «Аврелиан», а между 1949-м и 1951-м публикует роман «Коммунисты». Это масштабная фреска, написанная во славу партии и ее бойцов, которую биограф Арагона, Пьер Жюкан, представит следующим образом:

«Арагон задается целью представить иную версию романа “национальной мощи” взамен той, которая досталась нам от Барреса. Но где ее черпать сегодня, эту мощь? Буржуазия в упадке. “Коммунисты” ратуют за бесклассовое общество: рабочий класс становится единственным источником французской мощи. А вокруг него сплотятся интеллектуалы и народ»³⁶.

В 1952-м Андре Вурмсер превозносит достоинства и богатства мира, который Арагон описал в своем романе. Последний, по его мнению, превосходит романы Пруста с присущей им «гнильцой» и обращенностью к «миру мертвых»³⁷. Впрочем, несмотря на то, что первый том будет распродан тиражом 80 тысяч экземпляров, сама фреска останется незавершенной.

Андре Стиль, которому Арагон доверил руководство еженедельником «Ce Soir», продолжает свой антиамериканский крес-

35 DESANTI D. *Op. cit.* P. 367.

36 JUQUIN P. *Op. cit.* P. 389.

37 WURMSER A. *Proust ou les sortilèges évanescents* // Les Lettres françaises. 1952. 11–18 juillet; 18–25 juillet.

товый поход в трех томах романа «Первый рывок»; в 1952-м в Москве он получит за этот роман Сталинскую премию. В следующем году он публикует «К социалистическому реализму», и с этого момента Стиль занимает положение, не имеющее аналогов, настолько он соответствует идеалу партийного руководства: северянин, происходит из среды очень скромного достатка, в прошлом протестант, а сегодня – тот, кто всем обязан партии; ФКП доверит ему пост главного редактора «Humanité». В ответ Арагон устраивает театральную сцену, описываемую его биографом Филиппом Форестом, и пытается отговорить Стиля от предлагаемого поста: «Шантажируя самоубийством, как всегда в подобных случаях, он заявил, что выбросится из окна своего кабинета, если Стиль не поддастся на уговоры и не откажется от высокой чести, оказанной ему партией»³⁸. Аргумент Арагона выглядит альтруистичным: он объясняет Стилю, что новые обязанности сильно навредят его литературному таланту, однако переубедить последнего ему не удастся.

На конгрессе 1950-го Морис Торез обратился к писателям и художникам с советом вдохновляться соцреализмом. А уже к концу этого года линия партии еще более ужесточилась. ФКП и до этого была достаточно скована позицией Советов, однако благодаря дуэту Тореза-Арагона она была в огромной степени привязана и к французской национальной традиции. В октябре 1950 года паралич временно ограничил движение и речь Тореза, не поразив при этом умственной активности. Его перевезли на лечение в СССР, и вскоре поврежденные функции были восстановлены. Тем временем статус авторитета номер один в партии перешел к Огюсту Лекёру, который не имел никаких идей относительно искусства и слепо подчинялся указаниям советского руководства.

«Книжные битвы»

Во славу новейшей эстетической доктрины ФКП запускает так называемые «книжные битвы», стремясь лишний раз напомнить, что воевать можно разными способами. Первые «сражения» состоялись в марте–апреле 1950-го в Марселе и его окрестностях. Для этого ФКП арендовала самый большой марсельский кинозал. Как вспоминает Доминик Дезанти, «его украсили, повесили плакатами, создав образ столицы народной демократии; зал был полон»³⁹. Следующая «схватка» должна была состояться в парижском регионе. Его организацию поручили Эльзе Триоле, которая предложила противопоставить буржуазного одиноч-

³⁸ FOREST P. *Op. cit.* P. 564.

³⁹ DESANTI D. *Op. cit.* P. 348.

ного писателя и так называемого «публичного» писателя: последний обращен к читателям и вступает с ними в диалог, даже когда остается авангардистом. «Авангардный художник, – пишет она, – это тот, кому посчастливилось быть в каком-то смысле публичным писателем. Публичный писатель дает голос тем, кто не владеет письмом. Подобно древним магам, он заклинает толпу»⁴⁰. В обстановке идеологической войны эти книжные диспуты были своего рода контрударом по все возрастающему влиянию американской культуры.

С 1950-го по 1952 год были проведены шестнадцать баталий по единому отработанному сценарию; они напоминали одновременно выставки, конференции, вечера памяти, «круглые столы» и торговые палатки на рынке или возле заводов. Писатели-партийцы стали выступать как писатели-борцы. Эти встречи контролировались самым тщательным образом; партийный аппарат сам выдвигал «добровольцев», которые обязаны были прочесть романы приглашенного автора и задать ему вопросы. Участницей подобных книжных битв бывала и Доминик Дезанти:

«Помню, мы с приятелями из нашего сектора вставали у выхода из шахты, на площадке прямо возле ограды и выкрикивали названия наших книг на северофранцузском диалекте, словно мы раздавали листовки. Люди, перепачканные углем, изнуренные после восьмичасовой смены под землей, проходя мимо нас, все же останавливались, смотрели и пожимали нам руки своими ладонями, на которых “угль” [“l’karbon”] прочертил линии сердца, ума, удачи, жизни»⁴¹.

В рамках этой пропаганды ФКП продвигает французских писателей, а также, пользуясь случаем, распространяет издания великого советского собрата, точнее, произведения лидеров соцреализма – Николая Островского, Александра Фадеева, Ильи Эренбурга и так далее. Впрочем, незатмеваемой звездой все равно остается «Сын народа» Мориса Тореза, впервые вышедший в 1937-м. Изданию 1949 года уже сопутствует сложившийся культ личности генерального секретаря ФКП, вполне повторяющий модель культа Сталина. За год будут проданы более 304 800 экземпляров этой книги. Наряду с точечными ударами действуют и более долгоиграющие проекты – в частности, «Библиотека книжных битв» (*Bibliothèques des Batailles du livre*) – серия малобюджетных изданий из списка, утвержденного партией.

Театр тоже пострадал от идеологических схваток эпохи «холодной войны». Пьесе «Полковник Форстер признает себя виновным» (1952), прославившуюся многочисленными запре-

⁴⁰ TRIOT E. *L'Écrivain et le livre, ou La suite dans les idées*. Paris: Éditions sociales, 1948. P. 53.

⁴¹ Цит. по: CHEBEL D'APOLLONIA A. *Op. cit.* P. 187.

тами, без конца показывают в коммунистических кругах. Жан Вилар, глава Национального народного театра (Théâtre national populaire), которого обычно упрекают в симпатиях к коммунистам, на сей раз осыпан упреками со стороны ФКП только лишь за то, что в феврале 1953 года он поставил во Дворце Шайо пьесу Бюхнера «Смерть Дантона». «Его обвинили в робеспьеризме, – поясняет историк Эмануэль Луайе, – однако еще больше упреков Вилар заработал из-за той легкости, с которой он изобразил народные недуги – грубоватость, оборотистость и витание в облаках»⁴².

Интеллектуалы всегда под подозрением, их в любой момент могут обвинить в предательстве дела пролетариата, поэтому нередко они вступают на путь мучеников, блестяще описанный Анри Лефевром, отдавшим бюрократической машине ФКП немало сил. Вот как он характеризует партийное отношение к интеллектуалам в 1959 году, когда его исключают из партии после тридцати лет верной службы:

«Их нужно непрерывно бить по пальцам – не сильно, но достаточно жестко и артистично, так, чтобы их ложное сознание этим подпитывалось, нужно неустанно попрекать первородным грехом, а также их образом жизни – словом, давить на чувство вины»⁴³.

В партийном аппарате Лефевр играл двойственную роль: с одной стороны, он оправдывал процессы сталинизации, с другой – сохранял определенную независимость. В 1949-м на волне самой активной пропаганды ждановщины он пишет работу «Дополнение к эстетике», в которой, как отмечает его биограф Реми Хесс, Лефевр «вводит ряд важных для него идей»:

«Страницы, где он сравнивает тело обнаженной женщины с Венерой Милосской и пишет, что первое воплощает конечную красоту, а второе – обращенность к бесконечному, весьма вдохновенны»⁴⁴.

При этом Лефевр крайне осторожен и подкрепляет свое изложение цитатами из Маркса и Энгельса, однако в идеологическом отделе партии рукопись его книги становится яблоком раздора. «Каждая страница без единого исключения была проверена-перепроверена, обнюхана, обсосана, прошупана таможенниками, приставленными к интеллигенции»⁴⁵. Видя, что книга имеет все шансы не пройти цензуру, Лефевр делает ход конем и форсирует процесс: он вставляет в эпиграф две цитаты. Первая принадлежит лично Жданову и не содержит ничего, кроме абсолютно плоского утверждения, коррелирующего

ФРАНСУА ДОСС

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

⁴² LOYER E. *Le Théâtre citoyen de Jean Vilar. Une utopie d'après-guerre*. Paris: PUF, 1997. P. 198.

⁴³ LEFEBVRE H. *La Somme et le Reste*. Paris: La Nef de Paris éditions, 1959. T. I. P. 63.

⁴⁴ HESS R. *Henri Lefebvre et l'aventure du siècle*. Paris: A.-M. Métailié, 1988. P. 127.

⁴⁵ LEFEBVRE H. *La Somme et le Reste*. Paris: Béliaste, 1973. P. 196.

разве что с фамилией самого цензора, в роли которого выступал некто *Plat*⁴⁶: «Музыка доставляет удовольствие лишь тогда, когда все ее элементы – мелодия, песенный строй, ритм – пребывают в гармоническом единстве»⁴⁷. Другая цитата была подписана Марксом, но на самом деле ее сочинил сам Лефевр: «Искусство – наивысшая радость, которую человек доставляет себе самому». Появление этих двух цитат расценивается цензорами как добрый знак и те снимают эмбарго, так что в 1953-м книга смогла, наконец, увидеть свет. Она быстро станет культовой и, в конечном счете, будет переведена на двадцать языков. Однако подложная цитата вызывает нездоровый интерес читателей, которые просят Лефевра указать точный источник и ссылку на произведение Маркса. Автор идет на попятную, что и дает основание партаппарату в течение года исключить реального автора цитаты из партии на основании «фальсификации». Двойственность Лефевра прекрасно описывает Эдгар Морен:

«Лефевр избежал оболванивания по типу Канапа, Кавенга и Дезанти, [но] все-таки за свою маленькую диалектическую вольницу он отплатил сполна долгой политической сервильностью. В свое время он не отказался поучаствовать в посмертной травле Низана, а также активно разоблачал “полицейскую социологию” Жоржа Фридмана. Долго же эта бабочка пребывала в стадии гусеницы, неустанно пресмыкаясь!»⁴⁸

{ Интеллектуалы всегда под подозрением, их в любой момент могут обвинить в предательстве дела пролетариата, поэтому нередко они вступают на путь мучеников.

Дело №: Тито, Лысенко, Кравченко, Райк

Иосип Тито

Первой горькой пилюлей, которую французским коммунистам было очень не просто проглотить, стало бесчестное обвинение, выдвинутое советским руководством в адрес Тито. Югославия имела неосторожность освободиться от фашистов самостоятельно, без помощи Красной армии, и уже в силу этого она представляла собой потенциальную угрозу для Советов, которые требовали демонстрации единства социалистического

⁴⁶ Plat – фамилия цензора, по-французски означает «плоский». – *Примеч. перев.*

⁴⁷ JДАНОВ А. *Sur la littérature, la philosophie et la musique*. Paris: Nouvelle Critique, 1950. P. 86.

⁴⁸ MORIN E. *Autocritique*. Paris: Seuil, 2012. P. 140.

лагеря перед лицом их главного противника – США. После выговора, полученного французской компартией от Коминформа и заставившего ее быстро скорректировать свою линию, последовал второй съезд Коминформа летом 1948 года в Бухаресте, на котором жесткой оценке подверглось состояние коммунистической партии Югославии. Коммунистическая часть мира впала в недоумение. Как пишет Клод Рой, «на самом деле ничего не предвещало, что югославские партизаны вдруг окажутся агентами Гимmlера и шпионами Черчилля, а Тито, лидер национальной борьбы, станет всего лишь “маршалом предателей”»⁴⁹.

На следующем собрании Коминформа (1949) было объявлено, что компартия Югославии наводнена «убийцами и шпионами», в связи с чем все компартии должны были принять участие в порицании последней вкупе с ее главой. Тито демонизирован, его образ символически и симметрически противопоставляют божественному образу Сталина, а титоизм объявлен опасной заразой, которая угрожает любому чистосердечному коммунисту. 9 июня 1950 года Анни Кригель, известная как безупречный борец, заявляется вместе с товарищами на открытое собрание, посвященное Югославии, которое проходило в Отеле научных обществ, в Латинском квартале. Итог – 35 раненых и четырнадцать арестованных – был подведен на следующий день Пьером Куртадом на страницах «Humanité»:

«Когда мы говорим, что Тито и его банда – фашисты, гитлеровцы в прямом смысле слова, то речь не идет всего лишь о сравнении. [...] Мы хотим тем самым ясно сказать, что режим Белграда обладает всеми признаками фашистского режима именно в научном, историческом смысле слова»⁵⁰.

Жан Канапа заявляет, что Тито стоит за шпионской цепью, опутавшей народные демократии. Пьер Куртад утверждает, что Тито находится на службе у Уолл-Стрит и социалиста в нем не более, чем в Муссолини. Партийный аппарат распространяет брошюры, осуждающие режим титоизма, например, «Югославия под террором Тито»; она была продана тиражом 48 тысяч экземпляров. Брат Анни Кригель, историк Жан-Жак Беккер, который вступил в ФКП из конформизма и на волне очарованности СССР, также ничуть не усомнился в справедливости внешне развернувшейся кампании по осуждению прегрешений титоизма. Он невозмутимо поглощает всю эту клевету и даже вносит собственный посильный вклад в чистки:

«Помню, в нашу ячейку вступила одна молоденькая симпатичная студентка. Ее убежденность, свежесть и новизна нас всех немало

ФРАНСУА ДОСС
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

49 Roy C. *Op. cit.* P. 413.

50 COURTADE P. *L'entreprise Tito* // L'Humanité. 1950. 10 juin.

вдохновляли. [...] Однако, как только мы узнали, что она влюблена в “титоиста”, [...] то исключили ее сразу, невзирая на слезы и уговоры»⁵¹.

Жан Кассу – один из тех, по кому ударила эта резкая смена курса коммунистического Интернационала. В 1947-м он был всего лишь руководителем журнала «Европа», а также главным хранителем национального музея Современного искусства, ветераном Сопротивления, писателем и постоянным спутником ФКП. Вместе с Клодом Авлином, Андре Шамсоном, Жоржем Фридманом и Луи Мартен-Шофье он публикует «Время выбирать» – сборник, демонстрирующий расположение к коммунистам. Июньская резолюция 1948 года, осуждающая Тито, была воспринята Кассу с недоумением. Спустя год он принял приглашение посла Марко Ристича провести летние каникулы в Югославии. Убедившись на месте, что никаким фашистским режимом там и не пахнет, он возвращается во Францию в полном убеждении, что антититоистские инсинуации несостоятельны: «Как только я вернулся из Югославии, ко мне заглянул Арагон: “В какую же передрыгу вы нас втянули!” – сказал мне он»⁵². Арагон настоятельно рекомендует Кассу не делать никаких публичных заявлений до ознакомления с обвинительным досье, которое тот готовит. Таким образом, Кассу предстал перед своего рода трибуналом, собранным «Движением борцов за свободу и мир», из которого его в итоге и исключили⁵³. Он делится этими злоключениями с редакцией журнала «Esprit». Главный редактор Эммануэль Мунье собирает сообщество Белых стен в Шатене-Малабри. Среди участников самые разнообразные личности – Жан-Поль Сартр, Франсуа Фейто и Клод Бурде. Кассу поделился своими впечатлениями о Югославии и представил собравшимся собственный анализ того, что – по его мнению, несправедливо, – именуется «титоизмом». По мотивам этого выступления в декабре 1949 года он публикует в «Esprit» статью. Ему отвечает Андре Вурмсер, а «Humanité» печатает карикатуру, на которой Жан-Мари Доменак и Жан Кассу «гребут на суденышке в хвосте огромного американского дредноута, выживая сыплющиеся из него в воду доллары»⁵⁴.

Кампания против Тито заронила сомнения в умы многих интеллектуалов-коммунистов, однако они не решились спорить с генеральной линией партии. Позже об этой двойственной ситуации будет вспоминать Жан Брюа: «Когда 28 июня 1948 года Коминформ осудил Коммунистическую партию Югославии,

51 BECKER J.-J. *Un soir de l'été 1942... Souvenirs d'un historien*. Paris: Larousse, 2009. P. 187.

52 CASSOU J. *Une vie pour la liberté*. Paris: Robert Laffont, 1981. P. 250.

53 Сцена приведена в: DOMENACH J.-M. *Notre affaire Tillon* // *Esprit*. 1971. Juin.

54 CASSOU J. *Op. cit.* P. 256.

объявив о начале процесса разрыва с “предателем” Тито, я был немало удивлен. Однако в тот период я был во власти заблуждения и просто одобрял любое решение, не требуя уточнений и объяснений»⁵⁵.

ФРАНСУА ДОСС
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

Трофим Лысенко

Еще один фронт, который развернули коммунисты, – так называемая «борьба двух наук»: прогрессивной пролетарской науки, идущей в ногу с историей, и ретроградной, буржуазной. Эти два полюса обозначились в конце лета 1948 года, когда развернулось «дело Лысенко». Трофим Лысенко был земледельческим технологом, выдвинувшимся после чисток в этой области и ставшим научным советником Сталина. В 1926–1927 годах в Азербайджане он опробовал технологию превращения озимой пшеницы в яровые сорта. Впоследствии он попытался распространить эксперимент на всю территорию СССР, однако результаты оказались катастрофическими. Эта неудача вдвойне уязвила волюнтаристов сталинского режима: программа насильственной коллективизации была в разгаре, а тут еще и американцы открыли метод гибридизации семян пшеницы, увеличивающий ее урожай в восемь раз. США, по определению, не могли быть источником чего-либо прогрессивного: этот метод отвергли как «антидиалектический», а неудачи лысенковского подхода были списаны на происки предателей и «злонамеренных кулаков». Заручившись поддержкой Сталина, вчерашний технолог принимается за чистки в рядах биологов, специалистов в этой области, агроинженеров и генетиков, работающих в русле теоретических законов, выявленных Менделем и Морганом; Лысенко отправляет их на перевоспитание в ГУЛАГ. Генетические теории, подчеркивающие наследственный характер хромосом, Лысенко осуждает, а в 1935 году он начинает выпускать журнал для поддержки и распространения своих тезисов о «вернализации». Он нападает на неоменделистов, обвиняя их в троцкизме и космополитизме, а в основу своего учения кладет идеи русского агронома Ивана Мичурина. Ариан Шебель д’Аполлония пишет об этом:

«Внеочередная июльская сессия Ленинской академии агрономических наук в 1948 году ознаменовалась триумфом Лысенко. Его изобретательность граничила с пронырливостью, что и позволило ему сыграть на ждановском противопоставлении буржуазной и пролетарской наук»⁵⁶.

55 BRUHAT J. *Op. cit.* P. 151.

56 CHEBEL D'APOLLONIA A. *Op. cit.* P. 26.

Во Франции идеи Лысенко были представлены в громкой статье Жана Шампенуа, опубликованной на первой полосе «Lettres françaises» 26 августа 1948 года: «Великое научное открытие: наследственность больше не зависит от неких таинственных факторов». Он возвещает рождение в лице Лысенко новой биологии из СССР, бросающей вызов «буржуазной и метафизической генетике», опровергающей теории Менделя о трансформации приобретенных наследственных качеств. В то время как узкие специалисты оценивают положения Лысенко как полнейшую нелепицу по сравнению с достижениями генетиков, биологи, а с ними и широкий круг интеллектуалов вынуждены поддержать его теорию под страхом быть записанными в лагерь американского империализма, предателей рабочего класса и наследников нацизма. Коммунист Марсель Пренан – всемирно известный биолог и автор книги «Биология и марксизм» – буквально разрывается между своими научными убеждениями и активной партийной позицией⁵⁷. Ему удается уйти от этого выбора, столкнув между собой не слишком информированных популяризаторов науки и тех, для кого заведомо неприемлема любая критика тезисов Лысенко. Тем самым Пренан стремится определить срединную позицию, способную примирить генетику и лысенковщину. Этой позиции, расцененной как попытка сдерживания ФКП, не суждено было быть услышанной. В 1949 году Пренан приехал в Россию, чтобы объясниться и попытаться добиться встречи с Лысенко, портретами которого были увешаны московские улицы. Когда Пренан уже отчаялся получить аудиенцию, ему внезапно поступило приглашение на встречу, которую он ошибочно воспринял как частный визит:

«Я был более чем удивлен, когда оказался в огромной квадратной пустой комнате с возвышающимся в центре помостом и длинным столом, за которым восседал мэтр. [...] Кроме нас двоих, [...] сидящих на подиуме, важным дополнением мизансцены служила сотня безмолвных статистов, сидящих на стульях вдоль стен»⁵⁸.

Обмен мнениями носил поистине гротескный характер. Дело дошло до того, что Лысенко менторским тоном представил собеседнику два небольших конверта с зернами, чтобы тот ощутил разницу между зерном пшеницы и зерном ржи.

«Мне страшно захотелось дать ему пощечину, так как он явно устроил всю эту постановку, чтобы представить меня своим коллегам как невежду, которому приходится наглядно демонстрировать отличие ржи от пшеницы. Но так как я не говорил по-русски, то не имел возможности открыто указать ему на хамство»⁵⁹.

⁵⁷ PRENANT M. *Toute une vie à gauche*. Paris: Encre, 1980. P. 308.

⁵⁸ Ibid. P. 301.

⁵⁹ Ibid. P. 302.

Пренан возвратился во Францию еще более убежденным, что он имел дело с шарлатаном, и доложил о своих сомнениях партийному руководству, пообещав при этом не делать никаких заявлений, идущих вразрез с политикой партии. Тем не менее за Пренаном начали пристально следить – более того, он подвергся преследованиям. Арагон, отвечающий за защиту идей Лысенко, был готов наброситься с оскорблениями на любого, кто оспаривает его теорию, будь то Жак Моно, Жан Ростан или американский лауреат Нобелевской премии Герман Мюллер. Не забывая при этом сказать, что сам не биолог и потому не может судить о существовании вопроса, но добавляя следующее:

«Даже если не поддерживать ни одной из сторон в этом споре, любой профан может судить о том, что первая из них признает человека бессильным влиять на видообразование и управлять миром живой природы, в то время как вторая стремится обосновать его способность управлять видообразованием и наследственностью»⁶⁰.

При этом если Арагон всего лишь играет на волюнтаризме и власти человека над законами природы, то партийные интеллектуалы предпочитают напирать на идею «двух наук». Разработка этой идеи нашла воплощение в коллективном труде, где Жан-Туссен Дезанти выявлял фундаментальное противоречие, разделяющее «буржуазную науку» и «науку пролетарскую», следующим образом: «Это означает прежде всего, что наука также выступает *полем классовой борьбы, делом партии*»⁶¹. Ежедневный партийный орган «Humanité», конечно же, бьет-ся на передовой, выступая в защиту Лысенко; среди тех, кто поддерживает его теорию в своих статьях – Франсис Коэн, Эрнест Каане, Роже Гароди; все эти тексты с восторгом одобряет к публикации лично Морис Торез. Выступая с речью в Вельд'Ив в 1948 году, генеральный секретарь партии приветствует «победу, при поддержке всего народа и большевистской партии, принципов великого ученого Мичурина, сформулированных и развитых блестящим академиком Лысенко»⁶².

Теория Лысенко претендует на рекордные показатели урожая даже в отдаленных, заброшенных регионах. По его мнению, пролетарская биология позволяет ускорять процесс изменения как животных, так и растительных форм по доброй воле человека или по указанию партии. Этот безумный тезис, ставший официальной доктриной международного коммунистического движения, опирающегося на рационализм, в итоге был поддержан даже теми специалистами, которые изначально

60 ARAGON L. *De la libre discussion des idées* // Europe. 1948. Octobre.

61 DESANTI J.-T. *La science, idéologie historiquement relative* // COHEN F., DESANTI J.-T., GUYOT R., VASSAILS G. (Eds.). *Science bourgeoise et science prolétarienne*. Paris: Nouvelle critique, 1950. P. 10.

62 THOREZ M. *Pourquoi Lyssenko a-t-il révolutionné la biologie?* // L'Humanité. 1948. 15 novembre.

сигнализировали о его несостоятельности. На страницах «Les lettres françaises» Пьер Декс возвещал, что Лысенко отменил истину «человек человеку – волк», замечая при этом: «Ничего удивительного в том, что это вовсе не всем оказалось по нраву»⁶³. Марсель Пренан предпочел бы промолчать, но руководство партии настаивало, чтобы он легитимировал теорию Лысенко. Ему остается лишь проклинать обстоятельства, в силу которых он как специалист оказался в центре этих дискуссий: «Меня осыпали оскорблениями, которые все сводились к следующему выводу: вы единственный биолог в ЦК, так что вы и должны вести Францию к победе лысенковских тезисов»⁶⁴. За стенами партии специалисты так же спорят до хрипоты, а Жак Моно, заведующий лабораторией Института Пастера, призывает разоблачить обман. Пренан решается встать на защиту Лысенко на страницах журнала «La Pensée», но его тону явно недостает энтузиазма, в связи с чем Лоран Казанова ставит ему на вид необходимость исполнять обязанности интеллигент-коммуниста. Тогда Пренан делает еще одну попытку и пробует примирить менделизм и лысенковщину, но это не получает одобрения партийных лидеров, которые ищут не примирения, но безусловного противопоставления наук двух типов.

В 1950 году Пренан был окончательно исключен из состава ЦК партии за недостаточно усердное служение ей. Лишь в 1966-м ФКП официально осудит тезисы Лысенко – гораздо позже, чем это будет сделано в самом Советском Союзе. А тогда, в 1950-е, идея борьбы двух наук затронула не только биологию – она просочилась во все научные дисциплины. В феврале 1949 года, во время собрания в зале «Ваграм» Лоран Казанова при полном аншлаге продвигал партийную идеологию:

«Да! Фундаментальное противоречие между пролетарской наукой и наукой буржуазной, способной удовлетвориться даже самыми грубыми приблизительными соответствиями, действительно существует. [...] Да! Существует пролетарская наука, и она в корне противоположна науке буржуазной, которая затыкает рот ученым, [...] а значит, даже на человеческом уровне колхозника, читающего “Правду”, и М. Моно, строчащего в “Combat”, разделяет пропасть»⁶⁵.

Как следует из анализа Жанин Верде-Леру, партия назначила ответственных лиц, которые разделили между собой задачи, чтобы играть в разных, но дополняющих друг друга регистрах. На Жан-Туссена Дезанти была возложена миссия придать эпистемологическое измерение положению о «двух науках», а Жан

63 DAIX P. *Une discussion au service de la paix* // Les Lettres françaises. 1948. 4 novembre.

64 PRENANT M. *Op. cit.* P. 293.

65 CASANOVA L. *Responsabilités de l'intellectuel communiste*. Paris: PCF, 1949. P. 15.

Канапа должен был положить его на музыку⁶⁶. Что касается Луи Арагона, для него идея разделения «двух наук» стала воплощением эсхатологических чаяний. 6 декабря 1950 года, выступая в зале «Mutualité» на вечере франко-советской дружбы, он провозглашает Россию «не местом возрождения, но местом рождения нового человека»⁶⁷.

ФРАНСУА ДОСС
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

Пролетарская биология позволяет ускорять процесс изменения как животных, так и растительных форм по доброй воле человека или по указанию партии. Этот безумный тезис, ставший официальной доктриной международного коммунистического движения, был поддержан даже теми специалистами, которые изначально сигнализировали о его несостоятельности.

Идеологическая борьба предписывает не стоять на месте, занимаясь разбором полетов одних лишь биологов, но постоянно открывать новые линии фронта. Наступает время пригласить на сцену химиков: в ноябре 1952 года Жорж Коньо знакомит общественность с советским открытием, опровергающим теорию резонанса, квалифицируемую как реакционная псевдо-теория. У физиков на повестке дня осуждение сторонников индетерминизма в квантовой теории типа Бора и Гейзенберга. Узко специальный характер этих дискуссий, конечно, ограничивал доступ к ним широких масс трудящихся, однако сам факт открытия новых фронтов играл важную роль в условиях развернувшейся идеологической войны. Выступая на «Днях национальной учебы коммунистической интеллигенции» в марте 1953 года, Коньо поздравляет себя с тем, что партийные физики, наконец, «свели счеты с индетерминизмом»⁶⁸. Так была отмечена первая большая победа диалектического материализма в физике!

Не обошли вниманием и гуманитарные науки – тем более, что они доступны гораздо более широкой аудитории. Историческая наука в этот период разрывалась между классическим «эвентуализмом» и все более влиятельной школой Анналов, которая перезапустила метод исторического исследования, открыв историку выход к экономической истории. Этому новому методу, воплощенному Фернаном Бродемом, решительно противостоят интеллектуалы ФКП, которые усмат-

⁶⁶ VERDÈS-LEROUX J. *Op. cit.* P. 236.

⁶⁷ Цит. по: JUQUIN P. *Op. cit.* P. 327.

⁶⁸ Цит. по: VERDÈS-LEROUX J. *Op. cit.* P. 250.

ривают в нем буржуазный тип исследования и оправдание Атлантического пакта. Жак Шамбаз, пишущий под псевдонимом Жак Бло, объявляет войну «Анналам» на страницах «La Nouvelle Critique». Даже Эрнест Лабрусс – великий специалист по Французской революции и социально-экономической истории – обвиняется в возвращении к «наиболее реакционным и мракобесным темам». Анни Кригель со своей стороны обвиняет его в «предательстве марксизма, который был извращен так называемым “марксистом” Лабруссом»⁶⁹. Советская историческая наука, основанная на диалектическом материализме, также противостоит этой буржуазнообразной декадентской тенденции с назидательным пафосом: будущее имеет смысл уже сегодня и должно шаг за шагом вести к коммунизму.

Жан-Жак Беккер, тогда еще студент, изо всех сил старается разнести в пух и прах диссертацию Броделя о Средиземноморье на страницах журнала, который выпускают студенты-историки из его партийной ячейки: «Сложность моей миссии заключалась в том, что я тогда еще не прочел этого весьма объемного исследования и был совершенно не в состоянии написать то, что мне поручили»⁷⁰. Впрочем, эти моральные угрызения его не остановили, и он призвал на помощь Мориса Агулона, предложив написать на пару хотя бы просто острую статью – разумеется, анонимную, так как Бродель является председателем комиссии по присуждению звания агреже историкам. Статья за подписью Г.О. была перепечатана в «Clarté» в 1950 году и, таким образом, получила более широкое хождение.

Социология для ФКП и вовсе не имеет собственного места, так как марксизм не предполагает разделения на социальное и экономическое. Анри Лефевр, действующий еще менее осмотрительно, чем в истории с цитатами из Жданова, бьет во все барабаны, стремясь опровергнуть само понятие социологии, которая весьма далека от статуса настоящей науки, на который при этом она претендует, и представляет собой лишь тонкую идеологическую надстройку, суперструктуру способа капиталистического производства. Необходимо бросить вызов этой буржуазной науке, скрестить шпаги с ее ведущими представителями и основателями – Эмилем Дюркгеймом, Жоржем Гурвичем и Жоржем Фридманом. Что же касается психоанализа, то он выступает еще более взрывоопасным предметом дискуссий: в рядах ФКП немало психиатров. Партия решает и этот вопрос, вынося приговор психоаналитической практике. В декабре 1948 года партийное руководство созвало коммунистическое медицинское сообщество и устами Жана Канапа объявило о решительном осуждении психоанализа. Кроме того, две про-

69 KRIEDEL A. (BESSE A.). *L'action contre la décrépitude de l'enseignement officiel* // L'Humanité. 1949. 10 mars.

70 BECKER J.-J. *Op. cit.* P. 200.

тиворечащие друг другу статьи вышли в декабрьском номере журнала «La Pensée»: текст Виктора Лафита с радикальным осуждением фрейдизма и более взвешенная работа Сержа Лебовичи, который предлагает отделить «ценную составляющую терапии» от мистификаторских злоупотреблений. «Humanité» от 27 января 1949 года безапелляционным тоном осуждает эту практику под красноречивым заголовком «Психоанализ, мерзкая шпионская и полицейская идеология». Все, включая врачей-психиатров, призваны усматривать в нем отчуждающее изобретение капитализма и буржуазную лженауку. Партийные психоаналитики должны были в едином порыве написать покаянную самокритику, которая и будет опубликована в «La Nouvelle Critique» под заголовком «Психоанализ, реакционная идеология»⁷¹. Дело о психоанализе будет возобновлено лишь в середине 1960-х, когда появится текст Луи Альтюссера «Фрейд и Лакан».

ФРАНСУА ДОСС

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

Перевод с французского и примечания Яны Янпольской

71 BONNAFÉ A., FOLLIN S., KESTEMBERG É., LÉBOVICI S., LE GUILLANT L., MONNEROT J., SHENTOUB S. *La psychanalyse, une idéologie réactionnaire* // La Nouvelle Critique. 1949. № 7.

